

С.В. Шарапов*

«...НУ, БРАТ ВАСЯ, МНЕ ПРИХОДИТСЯ ЗДЕСЬ ПОГИБАТЬ, В СИБИРИ»: ГОЛОД В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-4-13
УДК 94:338.43(571.14)"1940/1947"*Выходные данные для цитирования:**Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf>*

S.V. Sharapov*

"...WELL, BROTHER VASYA, I HAVE TO DIE HERE, IN SIBERIA": FAMINE IN RURAL AREAS OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN THE 1940S

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-13

*How to cite:**Sharapov S.V. "...Well, Brother Vasya, I Have to Die Here, in Siberia": Famine in Rural Areas of the Novosibirsk Region in the 1940s // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 163–176. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf>]*

Abstract. The phenomenon of local famine, which had its own causality, dynamics and chronology in the 1940s, remains an understudied topic in modern historiography. This article analyzes the factors that repeatedly caused in the rural areas of the Novosibirsk Oblast the food crisis. Famine was connected, firstly, with the strengthening of mobilization pressure on the collective farm village, which began on the eve of the war and continued after its completion. Secondly, it was due to the shortcomings of the state's agrarian policy, which was not responsive to the local conditions of agricultural production. The economic system created by the Bolsheviks did not possess its own mechanisms for timely response to local food shortages. Informing about the famine went exclusively through political channels. Without the involvement of the authorities, it was impossible to solve the problem of access to food on the ground. The authorities themselves reacted belatedly, their assistance was insufficient and was accompanied by numerous costs, including corruption. The state deliberately blocked the information channels that could have signaled food difficulties. District authorities were prohibited from collecting information on actual yields on collective farms and to compile bread and fodder balances. Rural residents were the most vulnerable category of the population from the point of view of food security. The authorities not only did not provide collective farmers with any guarantees of survival, but also tried to block individual peasant tactics to escape from hunger, fighting for strict compliance with the statute of the agricultural association.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, peasantry, collective farms, famine, Siberia.

The article has been received by the editor on 23.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005). The work was carried out on the topic of the state task "Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries. Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Аннотация. Феномен локального голода, имевшего в 1940-е гг. свою собственную причинность, динамику и хронологию, остается малоизученной темой в современной историографии. В данной статье проводится анализ факторов, которые неоднократно приводили к возникновению в сельской местности Новосибирской области кризисной продовольственной ситуации. Уязвимость перед голодом была связана, во-первых, с усилением мобилизационного нажима на колхозную деревню, начавшимся накануне войны и продолжавшимся после ее завершения. Во-вторых, с изъятиями аграрной политики государства, которая была мало восприимчива к локальным условиям сельскохозяйственного производства. Созданная большевиками экономическая система не обладала собственными механизмами своевременного реагирования на очаговую нехватку продовольствия. Информирование о голоде шло исключительно по политическим каналам. Без участия власти разрешить проблему доступа к продовольствию на местах было невозможно. Сама же власть реагировала запоздало, помощь ее была недостаточной и сопровождалась многочисленными, в том числе коррупционными издержками. Государство сознательно блокировало информационные каналы, которые могли бы сигнализировать о продовольственных затруднениях. Районным властям запрещалось собирать информацию о фактической урожайности в колхозах и составлять хлебофуражные балансы. Сельские жители были наименее защищенной перед голодом категорией населения. Власть не только не предоставляла колхозникам никаких гарантий выживания, но и пыталась заблокировать реализацию индивидуальных крестьянских тактик самозащиты от голода, ведя борьбу за строгое соблюдение устава сельхозартели.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, крестьянство, колхозы, голод, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024 г.

Введение. Последний массовый голод в советской истории пришелся на послевоенные годы. Продовольственная катастрофа 1946/1947 г. унесла жизни, по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн чел. Этой трагедией, к сожалению, не исчерпывается история советского голода 1940-х гг. Локальные его проявления имели свою собственную географию и хронологию. В ряде мест фиксируется серийность «бесхлебных» лет, не укладывающаяся в хронологические рамки 1946/1947 г. Наиболее раннее в отечественной историографии упоминание о фактах голода в сельской местности СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны принадлежит М.А. Вылцану и В.В. Кондрашину¹. Позднее А.В. Шалак на примере Восточной Сибири показал, что продовольственную проблему 1940-х гг. необходимо рассматривать в широком временном контексте: по отдельным районам ситуация резко обострилась уже к концу 1942 г. и трудности в снабжении населения хлебом отмечались до 1948 г.² Относительно недавно стали появляться и другие региональные исследования, посвященные голоду, сопровождавшему военное лихолетье³. В Западной Сибири первая его вспышка в злополучное десятилетие фиксируется по историческим источникам в Новосибирской области и Алтайском крае перед войной, на рубеже 1940–1941 гг.

¹ Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 51–52, 65–66.

² Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 127.

³ Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 63–67; Никитина С.Е. Глубокий тыл в Великую Отечественную войну: голод в Якутии (1941–1945 гг.) // Молодой ученый. 2015. № 17-1 (97). С. 30–34; Матлин М.Г. Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. Ижевск, 2017. С. 177–192.

Нет сомнений в том, что голод 1940/1941 г. в Западной Сибири был также связан с фактором военной угрозы. По мере того как политическое руководство проникалось тревогой в связи с нарастающим кризисом в международных отношениях, экономическая система испытывала первый шок от усиливающегося мобилизационного нажима. Сплошной характер мобилизационного натиска приводил к возникновению уязвимых с точки зрения продовольственной безопасности мест, в наибольшей степени подверженных угрозе голода. Комплекс факторов, в силу действия которых в ряде районов Новосибирской области неоднократно в 1940-е гг. воспроизводилась ситуация острой нехватки пропитания, и станет предметом рассмотрения в данной статье.

Предвоенный голод. В 1940 г. государство повысило натуральное налогообложение колхозной деревни, введя так называемый погектарный принцип обязательных поставок зерна. Отныне единицей обложения становился каждый гектар закрепленного за колхозом земельного фонда без учета его освоения посевами. Позже данный принцип был распространен и на заготовки животноводческой продукции. Их объемы зависели теперь не от поголовья стада, а от площади приписанных к колхозу угодий (включая пастбища и луга).

Мера, которая была призвана простимулировать максимальное хозяйственное использование доступных земельных фондов, в действительности разрушала экономику многоземельных колхозов, страдавших от нехватки рабочих рук и получавших оторванные от производственных возможностей заготовительные задания. Новосибирская область оказалась абсолютно неподготовленной к внедрению погектарного принципа. Из-за отсутствия точных данных областной земельный отдел (облЗО) ошибочно включил в облагаемый фонд колхозов 518 тыс. га целинных и залежных земель, на которые в 1940 г. распространялись обязательные зернопоставки⁴. В таких условиях достаточно было вмешательства любого природного фактора, негативно влиявшего на урожайность, чтобы поставить колхозы на грань выживания.

Таким природным фактором стала засуха, поразившая летом 1940 г. ряд районов Новосибирской области. Амбарная урожайность зерновых доходила местами до 1–2,5 ц/га. В результате сверхнормированного изъятия зерна колхозы остались без семенного материала, фуража и хлеба для раздачи на трудодни.

Зимой 1940/1941 г. в связи с отсутствием запасов хлеба в колхозах крестьяне вынуждены были забивать личный скот. В Доволенском районе с 1 января 1940 г. по 1 января 1941 г. количество крупного рогатого скота (КРС) в личных приусадебных хозяйствах (ЛПХ) сократилось с 13 253 до 8 892 голов, а свиней с 6 315 до 421 головы⁵. Данная мера не могла разрешить надвигающийся продовольственный кризис, и весной 1941 г. высшее руководство страны стало получать по линии НКВД первые сигналы о вспышках голода в регионе.

8 марта 1941 г. на имя Л.П. Берии была направлена докладная записка от начальника управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведева. В ней сообщалось о продовольственных затруднениях в 12 районах области. Не меньшую тревогу у автора записки вызывало состояние животноводства: острая нехватка кормов, распространение эпизоотий спровоцировали массовый падеж колхозного скота⁶. По мере поступления информации с мест география голода расширялась. 22 марта 1941 г. областная прокуратура информировала первого секретаря обкома Г.Н. Пуговкина о том, что напряженное положение с хлебом и фуражом выявлено уже в 15 районах области⁷.

В сельской местности бушевала постоянная спутница голода в Сибири – септическая ангина – болезнь, которая вызывалась употреблением в пищу перезимовавшего в поле зерна. Проверка, проведенная только в трех районах области летом 1941 г., выявила 175 заболевших в Сузунском районе (из них 75 умерло), 127 в Кожевниковском районе (из них 47 умерло) и 3 в Маслянинском районе (из них 1 умер)⁸.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 99.

⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 28–32.

⁷ ГАО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 65.

⁸ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 19. Л. 146.

О распространении голода косвенно свидетельствовали материалы перлюстрации писем органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6 % всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. В период с 1 января по 10 июня 1941 г. было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голоде в колхозной деревне, а также о тяжелом продовольственном положении в самом Новосибирске⁹. Имеющиеся в распоряжении архивные документы не позволяют даже приблизительно оценить масштабы смертности от голода в 1940/1941 г., однако письма рисуют весьма мрачную картину жизни в охваченной бедствием местности: «...Первым долгом сообщаю, что пришла в Каменку, кое-как доплелась. Витя помер на месте в Утянке, а Галина умерла дорогой – оба с голода, осталась одна. Нина, я чуть живая. Прошу, пошлите посылку скорее, помираем с голоду»¹⁰; «...У нас уже с голоду умирают и пухнут, ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»¹¹; «...Условия очень плохие, все голодные. Молодежь ходит печальная от голода. В столовой едят баланду без хлеба. Доходит дело до того, что человек человека ненавидит»¹².

Судя по имеющимся данным, голод охватывал целые колхозы. В сельхозартели «Красная грива» из 118 семей запасы хлеба имелись только у 7. В колхозе имени Коминтерна из 125 семей продовольствие имели 10. Крестьяне вынуждены были питаться падалью. Наиболее уязвимыми перед голодом оказывались многодетные семьи. Например, колхозный конюх Михаил Г., имея жену и пятерых детей, выработал в 1940 г. 600 трудодней. Артельного заработка не хватило для выживания, поэтому семья длительное время питалась падалью: «Хлеб, который я получил на трудодни, 240 кг, давно уже съеден семьей, – рассказывал он работникам НКВД, – а того хлеба, который выдается по линии сельпо, для всей семьи в 7 человек не хватает, поэтому я вынужден питаться трупами павших животных. Ко мне, как к специалисту по снятию шкур, многие приносят снимать с павших животных, ягнят и телят, шкуру. Я, сняв шкуру, отдаю хозяину, а мясо беру себе и ем»¹³.

Вследствие острой нехватки продовольствия разваливалась трудовая дисциплина. В колхозе «Третий Коминтерн» Коченевского района из 270 трудоспособных перестали выходить на работу 150 человек. В колхозе «Путь Ленина» того же района из 90 работников продолжали трудиться только 40. Крестьяне самовольно бежали в города или другие районы. Из колхоза им. Калинина Ордынского района выехало 39 человек, из колхоза им. Ленина – 16 семей. Дети из-за отсутствия хлеба бросали учебу¹⁴.

В связи с критической продовольственной ситуацией в июне 1941 г. в Западную Сибирь был командирован секретарь и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. По всей видимости, Андреев, отправляясь в поездку, получил личные указания от И.В. Сталина провести работу совместно с местными органами НКГБ/НКВД по линии выявления «антисоветского элемента», на активность которого следовало списать возникший кризис. Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Западной Сибири: «...*Действительно подтвердилось Ваше предположение* (выделено нами. – С. Ш.) о наличии ранее рассажанных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»¹⁵.

В интерпретации Андреева голод был вызван совокупностью двух факторов: засухи и политического саботажа. Переобложение колхозов обязательными поставками (включение в облагаемую земельную площадь залежей и перелогов), массовый падеж скота были объявлены результатом «контрреволюционной» деятельности работников облЗО. Под контролем А.А. Андреева были проведены первые аресты. Во «вредительстве» обвинены начальник

⁹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 67.

¹⁰ Там же. Л. 68.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 70.

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 100.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 37. Л. 13.

управления животноводством облЗО Ю.Н. Голощапов, начальник управления землеустройства К.Н. Вьюков и его работники Б.И. Агроскин и Н.И. Лукьянов¹⁶.

Региональное политическое руководство по оценке секретаря ЦК проявило слепоту к деятельности «контрреволюционеров-вредителей», которые искусственно создавали тяжелое экономическое положение в сельской местности. Итогом поездки стали кадровые перестановки (сняты с должностей первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заместитель председателя облисполкома Ф.Д. Кузнецов¹⁷). Кроме того, была организована продовольственная помощь для тех районов и колхозов, которые оказались в затруднительном положении, а на будущий год снижены нормы обязательных поставок зерна (при этом залежи и перелогии так и не были выведены из-под обложения)¹⁸.

Характерно, что экономические причины продовольственной уязвимости голодавших районов и колхозов мало интересовали эmissара Центра. Политическая система оказалась крайне неотзывчивой на те локальные угрозы, которые повлек за собой погектарный принцип, отрывавший заготовительную политику от производственных возможностей колхозов. Первые результаты его внедрения должны были удовлетворить высшее политическое руководство: в 1940 г. по стране удалось заготовить рекордные объемы зерна¹⁹. В этом отношении локальные кризисы не могли поколебать уверенности в эффективности нововведений.

Сама по себе экономическая система, как оказалось, была не способна вовремя учесть и купировать локальные нехватки продовольствия. Информирование о голоде, которое шло через политические каналы (партийную вертикаль, НКВД или прокуратуру), имело запоздалый характер. Внимание власти было привлечено в тот момент, когда голод уже забирал свои жертвы. Системе явно недоставало способностей предотвращать локальные гуманитарные кризисы, которые во многом являлись следствием проводимой государством политики.

Голод военного времени. Из 15 районов, переживавших продовольственный кризис накануне войны, 9 находились на территории Барабинской степи Новосибирской области. Их положение оставалось столь же бедственным и в дальнейшем. В докладной записке о выполнении плана хлебозаготовок 1941/1942 г., направленной на имя А.А. Андреева, первый секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин вновь сообщал о критическом положении в колхозах Барабинской степи. Колхозники здесь получили в среднем по 300–500 г зерна на трудодень, включая хлеб, распределявшийся на общественное питание во время уборки и поступивший в порядке продовольственной помощи в 1941 г. Уже к февралю 1942 г. многие семьи израсходовали запасы зерна и оказались на грани голодной гибели. Из Северного и Убинского районов вновь поступали сообщения об употреблении в пищу падали²⁰.

Ранние заморозки, наступившие уже в августе 1941 г., привели к гибели не менее 20 % всех яровых посевов колхозов Барабинской низменности (а в некоторых районах процент доходил до 30–40). В ряде районов северной части степи с большим удельным весом посевов озимой ржи значительная их часть погибла от выпревания и длительного затопления весенними водами²¹.

Обком ВКП(б) сообщал о своей неспособности покрыть нехватку продовольствия за счет отпускаемых области хлебных фондов. С началом войны контингент населения, находившийся на продовольственном снабжении, вырос на 550 тыс. чел. (за счет эвакуированных и занятых в строительных батальонах). При этом хлебные фонды сокращались:

¹⁶ Шарпов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 81–88.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 11; ГАНО. Ф. П. 4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11, 18, 19.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.

¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 2.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 8–9.

²¹ Там же. Л. 11.

в феврале 1942 г. было отпущено 35,5 тыс. т муки (для сравнения – в августе 1941 г., не имея дополнительного населения на содержании, область получила 42,0 тыс. т).²²

Зимой 1942 – весной 1943 г. из-за общего снижения валовых сборов зерновых масштабы голода в сельской местности значительно расширились. В апреле 1943 г. областное управление НКВД докладывало об острых продовольственных затруднениях в 23 районах области (из них 15 располагались в Барабинской низменности). Ситуация описывалась следующим образом: «Значительное число колхозных семейств не имеют продуктов питания, в результате доходят до истощения, употребляют в пищу трупное мясо павших животных, находятся в состоянии опухания от недоедания. Имеют место факты смертности от истощения». С зимы 1942 по апрель 1943 г. по области зарегистрировано около 300 фактов употребления в пищу падали. Умерло от истощения около 50 чел. Опухло от недоедания более 500 чел.²³

Как и накануне войны, в состоянии голода пребывали целые колхозы. В колхозе им. Демьяна Бедного Северного района из-за разваленного хозяйства и чрезмерного натурального налогообложения колхозники на протяжении трех лет не получали хлеб на трудодни. В марте 1943 г. в 48 семьях колхоза были зарегистрированы случаи опухания от голода²⁴. В колхозе «Красный путиловец» Пихтовского района из 37 семей колхозников только пять располагали незначительным количеством овощей для питания, остальные 32 семьи питались различными отходами и падалью²⁵. В колхозе «Труд и оборона» Куйбышевского района из 108 хозяйств не были обеспечены продовольствием 40²⁶.

Голод бил по наименее защищенной части сельского населения – многодетным семьям, отправившим мужчин-кормильцев на фронт. Оставшиеся в хозяйстве женщины не справлялись с тем, чтобы одновременно работать в колхозе, вести ЛПХ и заниматься воспитанием детей. На 1 апреля 1943 г. в Северном районе 301 семья военнослужащих (1 054 чел.) испытывала нехватку хлеба, в Каргатском районе таких семей насчитывалось 1 612. В Пихтовском районе из 1 017 семей военнослужащих, состоящих на учете в отделе государственного обеспечения райисполкома, 268 семей находились в тяжелых материально-бытовых условиях. Из них 59 семей (279 чел.), по данным районного отделения НКВД, находились в «болезненном состоянии» от недоедания²⁷.

Голод в сельской местности имел выраженную пространственную локализацию. В области выделялись районы, которые с начала 1940-х гг. стали постоянными очагами бедствия. Речь идет прежде всего о территории Барабинской низменности, где ежегодно фиксировались случаи недоедания, опухания от голода, употребления в пищу падали и голодных смертей. Ее продовольственная уязвимость была прямым следствием аграрной политики государства. Исторически сельское хозяйство Барабинской степи имело животноводческую специализацию. Местность изобиловала водоемами: пресными и солеными озерами, реками и болотами. В ходе масштабных мелиоративных работ конца XIX – начала XX в. сформировались обширные земельные угодья, которые было выгодно использовать под пастбища. Бараба стала центром сибирского маслоделия, продукция которого поставлялась и на внешние рынки (в 1909–1913 гг. объемы поставок из Сибири животного масла составляли 16 % мирового экспорта²⁸). После революции животноводческая специализация сохранялась. В 1925–1929 гг. Барабинский округ давал ежегодно 9 тыс. т масла (23 % всех заготовок по Сибирскому краю)²⁹.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 10.

²³ Там же. Оп. 34. Д. 171. Л. 293, 310.

²⁴ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

²⁵ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 305.

²⁶ Там же. Л. 308.

²⁷ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 47 об.

²⁸ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 457.

²⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 153.

Осушительная система, созданная еще до революции, при большевиках постепенно приходила в упадок. Как следствие, местность страдала от частых затоплений вследствие разлива многочисленных водоемов и подъема грунтовых вод. От этого гибли урожаи, сокращались кормовые угодья. В целом характер почвенного покрова, состоящего из легкого чернозема, подзола и солонцеватых земель с исключительно малым содержанием гумуса, легко выпаживаемого и быстро распыляемого, делал малопродуктивным производство зерна³⁰. Однако в 1930-е гг. вопреки исторически сложившейся специализации государство ориентировало районы Барабинской степи на форсированный рост зернового производства. Посевные площади с 1928 по 1942 г. возросли с 409 до 1 027,8 тыс. га с резким увеличением удельного веса зерновых³¹. Вопреки здравому смыслу колхозы принуждены были растрачивать большую часть труда на производство хлеба в ущерб экономически выгодному животноводческому направлению хозяйства.

Аграрная политика государства не учитывала локальные различия в условиях ведения сельского хозяйства, возникавшие в рамках одного региона. В Барабинской степи переход к погектарному принципу обложения обернулся разрушительными для многоземельных колхозов заготовительными планами. Усилившийся мобилизационный натиск приводил к быстрому обнищанию крестьянства. Еще в 1937 г. в Барабинской группе районов более трети колхозов выдавали на трудодень свыше 5 кг зерна. В 1942 г. не осталось ни одного колхоза с выдачей хлеба, превышающей 2 кг на трудодень, а количество артелей, выдававших до 1 кг, возросло до 97,6 % от общего количества³². Катастрофическими были последствия для барабинского животноводства: сокращение кормовых угодий из-за повторного заболачивания, чрезмерные объемы мясопоставок, отвлечение рабочей силы на полеводство, вынужденная сдача мяса в счет выполнения хлебозаготовительных планов приводили к стремительному сокращению поголовья стада. По районам Барабинской степи с 1 января 1940 г. по 1 декабря 1943 г. поголовье КРС в колхозах сократилось на 207,4 тыс. голов, овец – на 151,8 тыс., лошадей – на 74,3 тыс. голов³³. В результате власть так и не смогла воспользоваться преимуществами столь специфической в сельскохозяйственном отношении зоны, но, напротив, усугубила ее недостатки, превратив в очаг постоянных вспышек голода.

Голод военного времени, помимо географической, имел и социальную локализацию. Уязвимыми перед ним оказывались прибывшие контингенты населения, к приему которых Новосибирская область оказалась не готова. Речь идет не только о депортированных на спецпоселение, но и об эвакуированных из прифронтовых регионов. Новосибирская область, по сравнению с другими регионами Западной Сибири, приняла наибольшую часть эвакуированных. В январе 1943 г. здесь находилось 504 25 чел., из которых 193 052 были расселены в сельской местности³⁴. Та часть контингента, которая осела в крупных городах и была прикреплена к эвакуированным предприятиям, испытывала меньшие трудности. В сельской же местности ощущались постоянные перебои в снабжении хлебом, а обзаведению собственным хозяйством препятствовало недостаточное выделение подъемных средств. Большинство из эвакуированных (31 %) прибыли из Ленинградской области³⁵. Люди, спасавшиеся от ужасов блокады, и на новом месте сталкивались с реальной опасностью голодной смерти. Ленинградцы жаловались на перебои в снабжении, используя все возможные каналы. Весной 1943 г. в редакцию газеты «Советская Сибирь» ежедневно поступало 2–3 письма из районов области от эвакуированных с жалобами на нерегулярное выделение пайков. Например, в коллективном письме ленинградцев, расселенных в Здвинском районе, обстановка с продовольственным снабжением описывалась следующим

³⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 160.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 248.

³³ Там же. Л. 156.

³⁴ Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2015. № 2. С. 39.

³⁵ Там же. С. 40.

образом: «Наше положение ужасное, ни овощей, ни картофеля не имеем. Из сельпо получаем только один хлеб по 400 граммов на работника и по 300 – на иждивенца, и то не каждый день. С 10 по 25 ноября получили только 50 процентов этой нормы, а в декабре в выдаче хлеба совсем отказали. Председатель сельсовета объясняет это несвоевременным получением нарядов на хлеб, а руководители районных организаций ссылаются на военное положение и предупреждают, что будет еще хуже. У многих из нас от голода появились отеки»³⁶. Ленинградец Лебедев из с. Торобеево Пышкино-Троицкого района писал: «Я приехал сюда, чтобы спасти двух маленьких детей от смерти, но сижу здесь голодом. В январе моей семье не давали совершенно хлеба 21, 22, 23 числа. С 5 февраля вот уже пять дней не дают хлеб. Дети сидят голодом. Даже в блокированном Ленинграде не было случаев, чтобы лишали пайка. Если нас нельзя снабдить хлебом, то пусть отвезут обратно в Ленинград, иначе мы подохнем с голода»³⁷.

В числе наименее защищенных слоев населения находились спецпоселенцы – как расселенные в Новосибирской области до войны, так и прибывшие в числе депортированного контингента (из Республики Немцев Поволжья, Калмыкии, прибалтийских республик, Западной Украины и Белоруссии). На почве крайне тяжелых материально-бытовых условий среди ссыльнопоселенцев Нарымского округа возрастала смертность. По сообщению начальника Пудинского районного отделения НКВД, «в Шерстобитовской и Н[ижне]-Тавангинской комендатурах от недоедания в январе месяце 1943 года умерло 5 чел. ссыльнопоселенцев. Семьи ссыльнопоселенцев <...>, имеющие в своем составе малолетних детей, находятся на грани смерти»³⁸. В артелях «Переселенец» и «Верный путь» Пихтовского района за первые 20 дней февраля 1943 г. умерли от голода 18 чел. За один день вымерла вся семья Д., состоявшая из матери и двух детей»³⁹.

С января по июль 1944 г. в Новосибирскую область прибыло на спецпоселение 6 513 семей (19 248 чел.) калмыков⁴⁰. Большая часть выделяемых для них продовольственных фондов не доходила до адресатов и расходовалась на местах бесконтрольно. Например, в Чистоозерном районе из выделенных 112 ц зерна калмыки получили только 42. В результате большинство из них неделями не получали никаких продуктов питания⁴¹. Фиксировалась высокая смертность на почве недоедания: в колхозе «Труженик» Купинского района из 46 вселенных калмыков умерло к середине июля 1944 г. 8 чел., в колхозе «Пятилетка Ильича» из 43 вселенных умерло 18 чел., в колхозе «Красный пролетарий» из 61 чел. погиб 21⁴².

Сельские жители во время войны оказались наименее защищенной категорией населения. Испытывая мобилизационный нажим, крестьянство не получало от государства никаких гарантий выживания. Голод свирепствовал в тех районах, где сложившиеся условия ведения сельского хозяйства не соответствовали тяжести заготовительной политики, мало чувствительной к такого рода локальным различиям. Признаки относительной стабилизации продовольственного положения наблюдаются только в 1944–1945 гг., когда нагрузка натурального налогообложения на регион ослабла. Однако эта стабилизация не коснулась контингента спецпоселенцев, среди которых и на завершающем этапе войны голод продолжал уносить жизни.

Послевоенный голод. Видны на урожай 1946 г. в Новосибирской области внушали оптимизм. Биологическая (на корню) урожайность зерновых составляла в колхозах 8,7 ц/га по сравнению с 5,2 ц/га в 1945 г. и 6,2 ц/га в 1944 г.⁴³ Новосибирская область в перспективе могла предоставить правительству необходимые хлебные ресурсы, которые должны были

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 99–100.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 171. Л. 137.

³⁹ Там же. Л. 306.

⁴⁰ Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сб. документов. Новосибирск, 2018. С. 4.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Там же. С. 49.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 11. Д. 25. Л. 79.

частично компенсировать нехватку зерна в западных регионах страны, пострадавших от сильнейшей засухи. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июля 1946 г. увеличивало первоначально принятый 26 июня план обязательных поставок зерна колхозами на 32,77 тыс. т⁴⁴. В октябре хлебозаготовительные планы по области были дополнительно пересмотрены в сторону повышения⁴⁵.

Трудности начались в августе 1946 г., когда необходимо было приступить к уборке хлебов. Последний месяц лета отметился аномально дождливой погодой, которая затягивала уборочную кампанию. В ряде районов (и здесь снова выделяется Барабинская степь) из-за подъема грунтовых вод урожай был затоплен⁴⁶. К концу августа план косовицы зерновых по области был выполнен лишь на 17,5 %. Важнейший для уборочной кампании месяц был упущен. Для сравнения, в 1945 г. к этому же сроку было скошено 52,7 % зерновых⁴⁷. Как следствие, значительно возросли потери, которые дополнительно умножились по причине отсутствия в колхозах сушилок. Область была абсолютно не подготовлена к уборке урожая в аномально дождливых условиях. Например, на весь Купинский район в колхозах имелось всего три готовых к эксплуатации сушилки⁴⁸.

В октябре 1946 г. в Новосибирскую область прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков с целью активизировать затухающие темпы хлебозаготовок. Присутствие посланника политического Центра должно было воспрепятствовать переходу кампании в ту фазу, когда местные власти ослабляют давление на колхозы ввиду необходимости сохранить продовольственный и семенной резерв. Такой стиль руководства был объявлен «порочным». Как указывалось в одном из постановлений обкома, районные руководители и уполномоченные «считают неприятным для себя делом заставлять колхозы выполнять закон о хлебозаготовках, и поэтому, для формы отсиживаясь в колхозах, своей бездеятельностью прикрывают жульнические и саботажные действия руководителей колхозов, не желающих выполнять план хлебозаготовок»⁴⁹. Подогреваемая Г.М. Маленковым сверхактивность заготовителей грозила катастрофическими последствиями для продовольственного состояния колхозов. Как и во время войны, власть проявляла сознательную слепоту к тому, какое количество зерна останется в колхозах после опустошительной заготовительной кампании. Еще 6 декабря 1942 г. правительство запретило собирать на местах данные о фактическом намолоте урожая в колхозах⁵⁰. На деле это означало запрет местным властям действовать с оглядкой на колхозные хлебофуражные балансы. Хлеб изымался без учета остатка, необходимого колхозам для выживания.

В 1946/1947 г. по области было заготовлено 21 491 тыс. пудов хлеба. Первоначальный план хлебозаготовок от 26 июня выполнен на 102,3 %. Для выполнения повышенного задания не хватило 2 761 тыс. пудов⁵¹. Чрезмерное изъятие хлеба вновь спровоцировало голод в сельской местности, прежде всего в тех районах, которые и ранее были перед ним уязвимыми. В Здвинском районе все три месяца лета лили проливные дожди. В пяти сельсоветах 90 % посевов огородных культур (картофель и овощи) погибли от наводнения. Колхозники получили 120–150 г зерна на трудодень, которые быстро закончились⁵². В аналогичном положении оказался Доволенский район, где только три колхоза выдали свыше 500 г зерна на трудодень⁵³. Первый секретарь Маслянинского райкома оповещал областное руководство о том, что ситуация в ряде колхозов настолько напряженная, что колхозники питаются одной мякиной и куколом, а район не в состоянии изыскать ресурсы,

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 926. Л. 53.

⁴⁵ Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск, 2013. С. 62–63.

⁴⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 955. Л. 221.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 247.

⁴⁹ Там же. Д. 933. Л. 170.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 960. Л. 154.

⁵² Там же. Оп. 34. Д. 252. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 8.

чтобы оказать необходимую помощь⁵⁴. В Убинском районе 1 118 семей находились в бедственном положении, не имея продовольствия⁵⁵.

На фоне разворачивавшегося в стране продовольственного кризиса государство приняло решение сократить контингент лиц, находившихся на продовольственном снабжении. Сфера распределения карточек и талонов отличалась высокой коррумпированностью, что и стало поводом для ее ревизии в целях экономии хлеба. В результате проверки в сентябре–октябре 1946 г. в Новосибирской области действительно оказалось, что карточки выдаются и отовариваются бесконтрольно. Заведующие райторготделами, председатели совхозов завышали контингент, находящийся на пайковом снабжении⁵⁶. В Венгеровском районе талоны на получение хлеба превратились в своего рода «валюту». Этими талонами расплачивались за аренду амбаров у колхозников, произведенные работы и услуги. Председатель сельпо Туруновского сельсовета Королевич за эксплуатацию колхозных амбаров принял на государственное снабжение хлебом 12 семей, а чтобы скрыть этот факт, в списках на раздачу хлебных талонов указывал вымышленные фамилии несуществующих работников⁵⁷. Проверка показала, что основная масса нарушений в части «разбазаривания» хлебных фондов имела место в сельской местности. Такое положение объяснялось чрезвычайно плохой постановкой контроля за правильным расходованием хлебных талонов со стороны райторготделов, сведению их функций к механическому утверждению списков на выдачу хлеба, представляемых сельсоветами, предприятиями и учреждениями⁵⁸.

В итоге государство пошло на резкое сокращение контингента, находившегося на продовольственном снабжении. Неудивительно, что оно происходило в большей степени за счет сельского населения. На октябрь 1946 г. для сельской местности Новосибирской области был установлен лимит в количестве 65 тыс. чел. по сравнению с 506 тыс. чел. в сентябре того же года⁵⁹.

Большинство совхозных рабочих оказались лишенными продовольственных карточек. Находившиеся в зоне подъема грунтовых вод совхозы Барабинского союзмолтреста столкнулись с тяжелой продовольственной ситуацией. Хлебными карточками был обеспечен лишь каждый десятый или каждый двенадцатый из совхозных работников⁶⁰. Большая часть урожая картофеля и других овощей погибла из-за проливных дождей. Семьи, вовсе не имевшие личных хозяйств, были обречены на голод. В большом количестве регистрировались случаи опухания от недоедания (2 347 взрослых и 215 детей) и желудочных заболеваний. Имелись случаи голодных смертей среди взрослых рабочих и престарелых.

Одновременно государство вело кампанию по борьбе против нарушений колхозного устава. В Новосибирской области она началась еще в 1943 г. после издания 20 октября постановления ЦК ВКП(б) «О фактах разбазаривания общественного имущества в колхозах Новосибирской области». В 1946 г. кампания приобрела общесоюзный характер в связи с принятием постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Ее цель – упрочение дисциплины в колхозах, борьба с неправильным распределением трудодней, незаконным захватом артельной земли под ЛПХ, расхищениями колхозной собственности. Активность местных властей в этом направлении должна была поставить пределы крестьянским практикам использования колхозных ресурсов в личных целях. Тем самым власть наращивала усилия, чтобы заблокировать индивидуальные тактики спасения от голода через самовольное присвоение земли или продукции. Крестьянство обрекалось на голод, учитывая, что легальных колхозных заработков не хватало для сведения концов с концами.

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 960. Л. 89.

⁵⁵ Там же. Л. 107.

⁵⁶ Там же. Д. 208. Л. 82.

⁵⁷ Там же. Л. 83.

⁵⁸ Там же. Л. 121.

⁵⁹ Там же. Л. 124.

⁶⁰ Там же. Л. 195.

Несмотря на то, что региональная власть оказывала продовольственную помощь бедствовавшим районам, она была запоздалой и недостаточной. Например, руководство Убинского района сообщало, что в январе–феврале 1947 г. району выделено 1 600 ц картофеля и 300 ц овощей. Однако в наличии оказалось только 777 ц картофеля, остальной либо сгнил, либо был уже ранее отгружен по нарядам, а облпотребсоюз имел неправильную информацию об остатках⁶¹. Секретарь Маслянинского райкома сообщал, что небольшое количество хлеба, отпущенное облисполкомом, позволяло несколько недель поддерживать остронуждающиеся семьи. Но к концу марта источники продовольственной помощи иссякли⁶². В июне 1947 г. Совет Министров СССР дал распоряжение Новосибирскому областному отделу торговли выделить районам 500 т зерна для организации общественного питания в колхозах⁶³.

Урожай 1947 г. не смог разрешить продовольственного кризиса. Районы Барабинской степи вновь оказались в зоне затопления из-за подъема грунтовых вод. Доходило до того, что местным властям приходилось переселять население в менее пострадавшие от наводнения колхозы. Почти все посеы в Барабе были подвергнуты заморозкам и дали ничтожно низкий урожай⁶⁴. Голод в сельской местности продолжался зимой 1947/1948 г. 11 декабря 1947 г. первый секретарь Доволенского райкома писал секретарю обкома ВКП(б) М.В. Кулагину: «Вынужден довести до Вашего сведения и сведения членов бюро Обкома ВКП(б) о тяжелом положении с обеспечением колхозников продуктами питания. Создалось настолько тяжелое положение, что я [его] считаю, в полном смысле слова, чрезвычайно тяжелым положением»⁶⁵.

Гораздо более красноречиво о голоде писали в декабре 1947 г. в письмах родственникам сами колхозники. Жительница деревни Сарабалык Доволенского района сообщала: «Жизнь наша незавидная, едут из Сарабалык, не хотят пропасть, жить нам плохо стало. Ни хлеба, ни картошки, и разъезжаются люди, куда глаза глядят. Хлеб не родился, на трудодни нисколько не получим. Колхозы совсем не кормят, общего питания не было все лето и в хлебоуборочную также не кормили, а сейчас здесь не при чем жить совсем»⁶⁶. Школьница из дер. Морозовка Венгеровского района писала своему родственнику: «Живем очень плохо, совсем с голоду умираем. Приезжай домой скорее, а то ты нас не захватишь, все умрем. Все мы голодные и босые. Я училась в третьем классе, а теперь не учусь, и Маруся тоже бросила»⁶⁷. Колхозник артели им. Кагановича писал: «Сейчас продаем все. Хлеба не купишь, картошка 70 рублей пуд. К весне замрем с голоду. Жить тяжело. Жить мне на свете невесело, так что я жить не намерен. Я думаю погибнуть. Семья у нас разбитый корабль – семь душ. Если можно, то помогай, аль нельзя – то будем с голоду умирать»⁶⁸. Из письма жителя деревни Знаменка Татарского района: «Хлеб доели, сегодня переключаемся на остатки картофеля и брюквы. Тошно смотреть на маленьких, которым негде достать, не могут и заработать негде. Вера уезжает, потому что кормиться нечем. Скоро и я побегу, не знаю только куда. Здоровье мое сильно слабое. Видимо, наша такая судьба. Жалко только Валю и Галю, они еще очень малы»⁶⁹. Продовольственная ситуация в Новосибирской области стабилизировалась только к 1949 г.

Заключение. Усиление мобилизационного нажима на колхозную деревню, начавшееся в 1940 г., происходило в условиях экономической системы, которая была крайне неэффективна в разрешении локальных продовольственных кризисов. Фактически она не предусмат-

⁶¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 252. Л. 107.

⁶² Там же. Л. 89.

⁶³ Лапердин В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. С. 108.

⁶⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 409. Л. 23.

⁶⁵ Там же. Оп. 34. Д. 249. Л. 152.

⁶⁶ Там же. Л. 105.

⁶⁷ Там же. Л. 144.

⁶⁸ Там же. Л. 146.

⁶⁹ Там же. Л. 148.

ривала никаких собственных (экономических) механизмов превентивного реагирования на угрозы продовольственной безопасности (к примеру, в рыночной экономике таким механизмом мог быть рост цен на продовольственные товары, который провоцировал приток продукции из других регионов). В функционировавшей в 1940-е гг. экономической системе любая локальная нехватка продовольствия могла быть разрешена только вмешательством политической власти. Последняя реагировала запоздало, безадресно, с многочисленными, в том числе коррупционными издержками (не поддается подсчету количество зерна, расхищенного или испорченного во время его переброски по товаропроводящей сети). Зачастую власть предпочитала закрывать глаза на экономические причины голода, укладывая их в привычную политическую схему последствий «вредительской» деятельности «врагов» советского режима. Власть сама же блокировала возможные каналы информирования о продовольственных угрозах, запрещая в годы войны и после нее собирать данные о фактической урожайности в колхозах, составлять районные хлебофуражные балансы. Большие усилия она прикладывала к тому, чтобы затруднить реализацию индивидуальных крестьянских тактик самозащиты от голода: повышая обязательный минимум трудодней (фактически запирая крестьянский труд в колхозах, которые не в состоянии были обеспечить работникам минимальных потребностей), борясь с нарушениями устава сельхозартелей (преграждая колхозникам возможность использования колхозных полей под личные нужды и затрудняя участие колхозов в теневом секторе экономики). Сила действия двух разнонаправленных тенденций, сверхнормированного изъятия продовольствия у колхозов и борьбы за колхозную дисциплину сама по себе создавала угрозу продовольственной безопасности.

Проводимая государством аграрная политика была крайне нечувствительна к локальным различиям в условиях ведения сельского хозяйства. Навязанная всему региону зерновая специализация негативно сказывалась на тех районах, где полеводство по природно-климатическим условиям было обречено быть малопродуктивным. Погектарный заготовительный принцип не учитывал ни плодородия закрепленных за артелями земельных площадей, ни обеспеченности колхозов рабочей силой для их продуктивного использования. Недостаток гибкости в аграрной политике на фоне усиления мобилизационного нажима приводил к возникновению уязвимых для голода мест, где неоднократно воспроизводилась ситуация острой нехватки продовольствия.

Проведенный анализ заставляет вновь обратить внимание на структуру социального неравенства в советском государстве. Сельское население было наименее защищенным перед угрозой голода. Власть не предоставляла колхозникам никаких гарантий выживания, а усиление мобилизационного нажима само по себе несло угрозу крестьянству. Даже в случае послевоенного голода, которого из-за катастрофической засухи в западных регионах вряд ли можно было избежать, следует учитывать, что отбор его жертв во многом зависел от принципов политической и экономической системы. Сельские жители по-прежнему оставались той категорией населения, которую государство готово было в случае необходимости принести в жертву ради выживания городов.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сборник документов / сост. О.В. Выдрина, И.В. Самарин. Новосибирск, 2018. 197 с.

Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2013. С. 57–65.

Лапердин В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 228 с.

Матлин М.Г. Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. Ижевск: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 177–92.

Никитина С.Е. Глубокий тыл в Великую Отечественную войну: голод в Якутии (1941–1945 гг.) // Молодой ученый. 2015. № 17-1 (97). С. 30–34.

Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (155). С. 38–41.

Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 63–67.

Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. С. 122–133.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 81–88.

References

Il'inyh, V.A., Kavcevich, O.K. (Eds.). (2011). *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.* [Agrarian Policy of the Soviet State and Siberian Agriculture in the 1930s]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

Il'inykh, V.A. (2013). *Khlebozagotovitel'naya kompaniya 1946 g. v Novosibirskoy oblasti* [Grain Procurement Campaign of 1946 in the Novosibirsk Region]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2013*. Irkutsk, pp. 57–65.

Khisamutdinova, R.R. (2014). *Golod v ural'skoy derevne v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Famine in the Ural Village During the Great Patriotic War]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 12, pp. 63–67.

Laperdin, V.B. (2013). *Razvitie naseleniya Zapadnoy Sibiri v poslevoennye gody (1946–1950 gg.)* [Population Development in Western Siberia in the Postwar Years (1946–1950)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 228 p.

Matlin, M.G. (2017). *Golod 1941–1947 gg. v ustnykh rasskazakh sel'skogo naseleniya Ul'yanovskogo Povolzh'ya* [The Famine of 1941–1947 in Oral Stories of the Rural Population of the Ulyanovsk Volga Region]. In *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetskom prostranstve*. Izhevsk, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 177–192.

Nikitina, S.E. (2015). *Glubokiy tyl v Velikuyu Otechestvennuyu voynu: golod v Yakutii (1941–1945 gg.)* [Deep Rear in the Great Patriotic War: Famine in Yakutia (1941–1945)]. In *Molodoy uchenyy*. No. 17-1 (97), pp. 30–34.

Shalakh, A.V. (2010). *Golod v 1940-e gg.: otsenka masshtabov i sotsial'naya geografiya (na primere Vostochnoy Sibiri)* [Famine in the 1940s: Scale Estimation and Social Geography (On the Example of Eastern Siberia)]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2010*. Irkutsk, pp. 122–133.

Sharapov, S.V. (2021). *Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: ekonomicheskii i sotsial'no-politicheskiy aspekty* [Agriculture of the Novosibirsk Oblast and Altai Krai on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88.

Snegireva, L.I. (2015). Sostav naseleniya, evakuirovannogo v Zapadno-Sibirskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Composition of the Population Evacuated to the West Siberian Rear During the Great Patriotic War]. In *Vestnik TGPU*. No. 2 (155), pp. 38–41.

Vydrina, O.V., Samarin, I.V. (Eds.). (2018). *Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoy zemle: rasselenie i obustroystvo. Dekabr' 1943–1946 gg.* [Deported Kalmyks on the Novosibirsk Land: Settlement and Settlement. December 1943–1946]. Novosibirsk. 197 p.

Vyltsan, M.A., Kondrashin, V.V. (2004). Patriotizm krest'yanstva [Patriotism of the Peasantry]. In *Voyna i obshchestvo, 1941–1945*. Moscow. Vol. 2, pp. 50–77.